

Неделя Сорок Третья: Сессия #86-Доктор Харлин Квинзель

Она сидела в своем кресле, выстукивая низкие каблуки своих туфель в бешеном ритме, ее сердце бешено трепетало, приятно сверкая фейерверком, идущим в ее животе.

Этот момент почти настиг ее.

В эти дни у нее было два высоких подъема в неделю, и все остальное было долгим, затяжным, отупляющим, болезненным для сердца нарастанием до этих точек.

Он вошел, улыбаясь ей этой дьявольски очаровательной улыбкой, и она почувствовала, что вся воспряла духом, душой и сердцем.

Она никак не могла прийти в себя. Всякий раз, когда она волновалась и радовалась, она также изливала свою тайну: что все обернулось именно так.

Впервые в своей жизни она наконец почувствовала, что ее поняли.

Мелисса оставила ей сообщение на выходных: "Привет, Харли. Я действительно сожалею о последних нескольких месяцах. Прости, что мы разошлись. Может ты хочешь встретиться и поговорить об этом? Перезвони мне хорошо."

Ха! Ей хотелось посмеяться над этой глупой девчонкой. Как будто она нуждалась в ком-то столь же скучном, пустом и довольном посредственностью, как Мелисса. Как будто она нуждалась в ком-то из них больше.

Это казалось нереальным. Мало того, что она нашла себе истинную наперсницу, истинную родственную душу и даже истинную ... осмелится ли она подумать об этом ... родственную душу (и как же ей было приятно думать об этом!) у пациента, но такого пациента, как Джокер . Признанный гений. Блестящий, уникальный ум. Сложная, завораживающая личность. Она была не единственной, кто так думал. Она читала эти самые фразы буквально в десятках книг и эссе.

И этот великолепный гений, единственная и блестящая душа-он заинтересовался ею .

Он сам так сказал. Они были похожи друг на друга.

Кто-то наконец увидел, чего она стоит.

Наконец-то Харлин поняла, каково это-быть оцененной по достоинству. Внезапно она поняла, каково это-чувствовать, что у кого-то есть настоящая гордость и вера в тебя, быть всегда позади тебя. Чтобы поддержать вас и всегда быть рядом, желая слушать и заботиться, без сомнения. Неудивительно, что люди так любили его-это было волшебство. Чистая магия.

Они даже вместе просматривали его досье несколько раз, перечитывая слова прошлых психиатров, препарируя и высмеивая их заумные, невежественные идеи. Он даже был достаточно любезен, чтобы просмотреть ее собственные заметки, дать ей один или два намек и указания в правильном направлении. Она была так благодарна ему за его пронизательный вклад, радостно сидя так близко к нему, как только осмеливалась на диване, в то время как он задумчиво переливал папки, кивая и посмеиваясь через равные промежутки времени. Как она согрелась внутри, увидев его ум и природную пронизательность в действии. Как она радовалась, когда он хвалил некоторые ее работы, и как охотно принимала его критику. В конце концов, все это помогало ей быть самой лучшей. Как он и хотел, чтобы она была такой.

Теперь, когда его лодыжки были привязаны к дивану, она ободряюще улыбнулась ему и нетерпеливо ждала. С тех пор как он поцеловал ее в лоб на прошлой неделе, ей все труднее было удержаться и не броситься к нему через всю комнату, как только охранники закрыли за собой дверь.

Но она никогда не сможет этого сделать. Это было бы абсолютным злоупотреблением властью. Невероятное предательство его доверия. Она должна была защитить его, в том числе и от самой себя.

Но этот поцелуй... она машинально поднесла руки ко лбу... она могла поклясться, что все еще чувствовала его там. Тепло и уютно. Такая милая.

Почему, на мгновение, она даже подумала, что он собирался поцеловать ее в губы. Ее щеки запылали от этой мысли, и по чреслам пробежала дрожь. До этого момента она никогда не осмеливалась вообразить, что между ними что-то происходит, даже когда признавала свое влечение к нему. Теперь же все ее мысли терзались фантазиями о его лице рядом с ней, о том мгновении, когда он только что поцеловал ее в лоб, - о его прикрытых веках, о мягкости его губ. За ним быстро последовал следующий - его губы сомкнулись на ее губах, теплые и пленительные. Они вдвоем крепко обнялись и жадно целовались. От таких мыслей у нее кружилась голова. На днях утром она даже поймала себя на том, что чуть не съехала с дороги, настолько была поглощена своими снами, настолько бредила ими.

Она пристально посмотрела на него, блуждая глазами вверх и вниз по его красивой, длинной фигуре. Она снова посмотрела на эти фотографии из его медицинских файлов. Она представила себе, как он сейчас раздевается перед ней, открывая свое совершенное, великолепное белое тело. Потустороннее создание. Что-то прямо с небес.

Его руки сомкнулись на ее горле. Это было... невероятно. Она никогда не испытывала ничего подобного, невероятное чувство доверия, которое она чувствовала, и как она была переполнена абсолютным покоем, признавая это доверие. Она тоже зашевелилась, внизу. После этого она была вся мокрая.

Она поняла, что он смотрит на нее с любопытством, слегка улыбаясь, вздрогнула и почувствовала, что ее щеки пылают. Боже, неужели она не может сохранить хотя бы немного профессионализма! Она не могла так злоупотреблять своим положением, открыто фантазируя о своем пациенте прямо перед ним! Все, что он делал-это убеждался, что она ему доверяет, и вот теперь она превращает это в какую-то извращенную сексуальную вещь!

-Я тебе вообще помогаю?- Внезапно выпалила она в отчаянии. Он выглядел удивленным.

-Что ты имеешь в виду, док?"

Она глубоко вздохнула и уронила голову на руки. -Я чувствую, что... мне просто интересно. Если я вообще делаю что-то, чтобы помочь тебе."

Она приколотла фотографии к зеркалу в своей спальне. Иногда, возвращаясь вечером домой, она медленно танцевала перед ними под музыку Билли Холидея и Дюка Эллингтона, которую он ей рекомендовал. Медленно, в своей темной спальне, представляя себе его взгляд, она танцевала и раздевалась.

Ее щеки запылали еще сильнее. Он все еще смотрел на нее с любопытством.

-Ну конечно же, так оно и есть.- Тепло сказал он. - Док, а вы разве не заметили? Наше время вместе так много значит для меня. Так чудесно, когда есть с кем поговорить. Чтобы выслушать меня. Я так много тебе доверяла.- Многозначительно добавил он.

- Это я знаю.- Она успокоила его. -Я это прекрасно понимаю. Наверное, мне просто интересно, действительно ли я заслужил это доверие."

-А почему ты так говоришь, док?- Он нянчился с ней, и она вздохнула, потирая лоб.

-У меня возник конфликт.- Она призналась. Если бы он только знал, как сильно! -Как твой врач, я должен помочь тебе справиться с твоими проблемами. Что будет действительно работать, только если я правильно их пойму. Я думаю, что доберусь туда. Но мне нужна еще помощь."

Он сочувственно улыбнулся ей, и на его лице появились морщинки нежного понимания. - Бедный Док. Ты просто скажи дяде Джокеру. Как я могу вам помочь?"

- Она застенчиво улыбнулась ему. -Ты так терпелива со мной. Я понимаю, как много тебе пришлось пережить в жизни. Как тебя оскорбляли, как ты была одинока, и как это делало тебя такой уязвимой и ранимой. Нужно наброситься - попытаться заставить мир ценить тебя, смеяться. Но мне нужно поработать с тобой над ... - она попыталась найти тактичный способ выразить это. -Вся эта история с "убийством". Это большая проблема, над которой нам нужно работать. Мне нужно, чтобы вы сказали мне, как мы можем начать заниматься этим вопросом, что поможет вам в ... э - э ... деконструкции этих побуждений и их направлении. Я имею в виду,

я не понимаю, почему ты ... почему ты убиваешь. Я знаю, что ты тоже не согласна со мной, и я так хочу тебе помочь. Может ты ... можешь мне сказать?- Она замолчала и с тревогой посмотрела на него, закусив нижнюю губу.

Он вздохнул и откинулся на спинку дивана, сложив руки на животе. На мгновение она почувствовала себя виноватой - он выглядел таким задумчивым, искренне обдумывая то, что она сказала, и, по правде говоря, ответ все меньше и меньше значил для нее. Она просто должна перестать думать о нем голым.

Хотя она действительно не думала, что убивать людей-это хорошо. Это был ключевой вопрос, который постоянно вставал между ними. Единственный оставшийся, правда.

- Док, - тихо сказал он. -Ты не должна быть так строга к себе. Большинство людей даже не пытаются понять, но вы понимаете. Ты уже на полпути туда.- Он одарил ее улыбкой, и ее глаза сверкнули. Он так верил в нее. -Ты помнишь наши разговоры - я знаю, что ты их ведешь, умница, - о том, как нелепа и пуста жизнь в фарсе?"

Она кивнула-как бы странно это ни казалось на первый взгляд, она начинала понимать его. Когда вы думали об этом - действительно думали об этом - во всем этом не было ничего такого - такого-значимого. Кроме того, что ты из него сделал. Именно это он и говорил сейчас.:

"Нужно придать их жизни смысл. Стремитесь определить себя сами. Большинство из них просто подчиняются, подыгрывают и удивляются, почему они чувствуют себя такими пустыми внутри.- Как бы ни было больно признавать это, она знала, каково это. - Причина в том, что в глубине души они все знают. - они знают, насколько бессмысленно существование и сопутствующая ему борьба. В конце концов, они квакают, и на самом деле нет ничего, чтобы показать все это. Может быть, они просто засыпают и умирают однажды, может быть, их сбивает проезжающий мимо грузовик, может быть, они падают и ломают шею в душе. Или, может быть, их замечает кто-то другой. Кто-то необыкновенный. Кто-то вроде меня."

Он искоса взглянул на нее, и она почувствовала, как у нее екнуло сердце. Он заметил ее - да, заметил !

-Вот видишь, Харли?- Сказал он мягко, поднимая руки вверх и очаровательно улыбаясь. -Я делаю им подарок. Я даю им нечто, с помощью чего мир будет помнить их - нечто, что поднимает их над статусом обычного и банального. Через смерть от моих рук они созданы настолько лучше, чем когда-либо могли надеяться быть.- Он сидел прямо, широко раскрыв глаза, вытянув одну руку дугой перед собой и медленно сжимая кулак. -И я не делаю различий! Я же не такая эгоистка! О Нет - я дарю свой подарок всем и каждому, всем, кто мне нравится!- Он подмигнул ей, и она услышала странный тихий звук, вырвавшийся из ее горла, что-то похожее на писк. - Ну, Харли, солнышко, разве не это привело тебя сюда?- Он снова свесил ноги с дивана и наклонился вперед, глядя ей прямо в глаза. -Вы хотели, чтобы я сделал это для вас, не так ли, чтобы вы написали свою книгу, чтобы вас признали, чтобы Вы были больше, чем все эти глупые, глупые люди - Ваш отец и Ваша тетя, ваши друзья и профессора - думали, что вы были? Больше, чем они есть?"

Эти слова поразили ее в самое сердце. Да, это было правдой. Именно этого она и хотела. Но как же ей было больно тогда вспоминать об этом. Она была эгоисткой. Она почти вырвала сердце у этой ранимой потерянной души и раздавила его.

Она быстро заморгала, глядя на него, и он остановился, потянулся через разделявшее их пространство, обхватил ее большой тонкой рукой и дернул вверх, увлекая вниз рядом с собой. Ее живот сжался от этой тонкой уверенности в его силе, от ощущения его кожи на своей, от того, как она почувствовала запах его вымытых волос, когда села.

- Ну-Ну, милый доктор. Никаких слез по дяде Джокеру. Потому что у тебя есть кое-что получше, не так ли? Ты и я, док. Два в своем роде. Понимание. Признательность. Ты и так была исключительной."

Как бы ей хотелось в это поверить - неужели он действительно так думает? Она посмотрела на него с надеждой и тоской, как она знала, ее нижняя губа приоткрылась, и он улыбнулся ей с такой нежностью.

-Вот почему мы так сблизились, ты и я.не для того, чтобы твое имя добавлялось в постоянно растущий список. О нет. Я делюсь кое-чем со всеми моими... благословенными. Но ты - у нас есть кое-что особенное. Нечто уникальное."

Внезапно он остановился и отстранился, неуверенно глядя на нее. Когда он заговорил, его голос был неуверенным, даже - о Боже - слегка дрожащим: "по крайней мере, так я думал. Разве вы не согласны?"

Бедняжка! Он был так уязвим - так боялся, что она причинит ему боль, как и многие другие! Она подскочила вперед, подняла руку к его щеке и нежно обхватила ее. - Конечно, конечно, миста Джей, я тоже это чувствую. Просто ... я все еще привыкаю ко всему этому! Это так дико ... так радикально ... но так чудесно! Не волнуйся. Я здесь ради тебя.- Его кожа была гладкой под ее рукой, только слегка шершавая на подбородке, указывая на начинающуюся щетину. Она представила себе, как его щека терлась о ее щеку, спускаясь по шее, как его лицо прижималось к ее груди, животу, груди ... -

Она поперхнулась, и он, не сводя с нее глаз, слегка повернул голову к ее ладони, едва касаясь ее губами. - Неужели?- Он дышал, и его дыхание было восхитительно теплым и мягким под ее рукой.

"Абсолютно.- Прошептала она, не в силах отвести взгляд. На мгновение мне показалось, что комната погрузилась во тьму - совсем исчезла, - что это они вдвоем сидят в каком-то странном водовороте.

- Он отвел лицо в сторону. - Просто ... ну, я думаю, что у такой красивой девушки, как ты, так много других претенденток на ее внимание. Другие, которые не сидят взаперти и не принимают лекарства три раза в день.- Печально закончил он, опустив глаза на диван.

Она почувствовала, что задыхается, внезапно разозлившись на систему, которая так долго пренебрегала им и продлевала его страдания - которая подвела его, полностью и абсолютно подвела его.

А она-нет.

Она взяла его лицо обеими руками и решительно повернула к себе. - Послушай меня, - решительно сказала она ему. - всю мою жизнь люди отворачивались от меня. Не обращая на меня внимания. Даже когда я начинал здесь, мои друзья не понимали моих новых обязанностей. Насколько сложны ваши потребности. Ты единственный, кто когда-либо действительно понимал. Если бы не ты - я был бы совсем один."

Внезапно ей пришлось остановиться и с трудом сглотнуть, сдерживая подступившие к глазам слезы. "Не плачь, - упрекнула она себя. Вы знаете, как сильно он нуждается в смехе и радости - он хочет видеть вашу улыбку, слышать ваш смех, а не стоны и стоны. Он уже был так терпелив с тобой. Улыбнись! Улыбнись!

И она выдавила улыбку на свое лицо, почувствовав, как оно задрожало, когда она заставила свои губы подняться вверх, обнажила зубы, почувствовала, как уголки ее глаз стали влажными от слез, но, черт возьми, она добралась туда, и он поднял руку к своей груди и, казалось, почти шархнул, его глаза расширились и стали счастливыми.

- Для меня-улыбка, когда мир был так жесток к тебе? Харли, моя дорогая, как это трогает мое сердце."

-Ты снова научил меня улыбаться.- Она сказала ему серьезно, и его собственная улыбка стала такой яркой и широкой, что ей вдруг больше не нужно было заставлять себя улыбаться. Он был там и естественно на ее губах и чувствовал себя так замечательно. Так освободительно.

Он поднял свои руки и взял ее ладони в свои, эти красивые, сочлененные длинные пальцы обхватили ее собственные, сжимая их крепко, и пристально посмотрел прямо в ее глаза, так что она почувствовала, как пол словно провалился у нее из-под ног, почувствовала, как закружилась ее голова, великолепно пойманная в ловушку этого сверкающего фиолетового взгляда.

- Смейся, и весь мир будет смеяться вместе с тобой, Харли.- Прошептал он.